

ПРАВОСЛАВІЕ И ЛЮТЕРАНСТВО

ВЪ

Р О С С І И.

ЛЕЙПЦИГЪ:

Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.

1890.

Свобода вѣры давно уже сдѣлалась достояніемъ христіанскаго міра. Иначе и быть не можетъ; свобода эта дарована Богомъ и поставлена Спасителемъ условіемъ искренности и правды. Къ тому же лишеніе ея противно не только Евангелію, но и человѣческой мудрости: насиліемъ подрывается довѣріе и уваженіе къ той самой церкви, въ пользу которой оно совершается, и вызывается сопротивленіе или лицемѣріе. А потому нетерпимость возможна только тамъ, гдѣ поклоненіе Богу въ духѣ и истиннѣ уступило мѣсто наружному, чисто формальному Богослуженію, и гдѣ религія сдѣлалась орудіемъ свѣтской политики.

Въ такомъ положеніи находится Россія. Это не значитъ, конечно, что въ Россіи мало вѣрующихъ; ихъ быть можетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Да и нетерпимость вовсе не въ духѣ русскаго народа и православной церкви. Но къ несчастію, вслѣдствіе разныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, вѣроисповѣданіе стало тождественнымъ съ національностью, а церковь превратилась въ правительственное учрежденіе. Въ Германіи, Франціи и Англіи, даже въ Италіи и Испаніи національность и патріотизмъ не имѣютъ никакого соотношенія съ религіею; въ Саксоніи католическая династія царствуетъ надъ протестантскимъ народомъ и пользуется его довѣріемъ и любовью. Въ Россіи же русскій протестантъ или католикъ какъ бы не мыслимъ; между тѣмъ, неправославныхъ почти треть всего населенія, болѣе 30 миліоновъ, которымъ приходится либо отказаться отъ права быть русскимъ, либо отрѣчься отъ своей вѣры. Последняго домогается правительство, но, стремясь къ богопротивной цѣли, оно не можетъ обойтись безъ богопротивныхъ средствъ, и естественно вызываетъ оппозицію лучшихъ людей. вмѣсто объединенія народностей, оно вооружаетъ ихъ противъ себя и вступаетъ съ ними въ борьбу по такому предмету, который во всемъ христіанскомъ мірѣ признается неприкосновеннымъ и священнымъ; а что такая борьба бесплодна, доказываетъ исторія всѣхъ народовъ: распятіе Спасителя и умерщвленія мучениковъ, костры инквизиціи и варооломеевскія ночи; законодательныя гоненія и административныя насилія свидѣлствуютъ до очевидности, что въ области вѣры можетъ имѣть мѣсто одно только убѣжденіе. Поучительнымъ тому примѣромъ изъ отечественной исторіи могутъ служить малороссы и бѣлороссы, которые, принявъ католичество, тѣмъ не менѣе оставались русскими до тѣхъ поръ, пока насильственная пропаганда православія бросила ихъ въ объятія полонизма.

И сколько тяжелыхъ вопросовъ навязывать себѣ правительство: католическій и лютеранскій, уніятскій и раскольникій, штундистскій и пашковскій; всѣ бы они исчезли или, по крайней мѣрѣ, упростились бы съ признаніемъ основного принципа христіанства — свободы вѣры!

Къ несчастью, однакожъ, въ дѣйствительности происходитъ совершенно противное: возмутительная пропаганда сороковыхъ годовъ въ балтійскомъ краѣ, обманомъ увлекшая до 60,000 латышей и эстовъ въ православіе и лишившая ихъ, втеченіе почти 20^{ти} лѣтъ, душевнаго мира, этотъ по донесенію графа Бобринскаго всѣмъ извѣстный, официальный обманъ, вызвавшій негодованіе царя-освободителя, повторяется нынѣ въ небывалыхъ размѣрахъ.

Правительство этого, конечно, не признаетъ; оно, какъ видно изъ официального отвѣта оберъ-прокурора св. синода евангелическому союзу, даже утверждаетъ, что въ Россіи болѣе вѣротерпимости нежели въ другихъ государствахъ. Мистификація ли это или незнаніе законовъ и невѣдніе того, что совершается въ остзейскихъ губерніяхъ? Не можетъ однако синодальный оберъ-прокуроръ не знать XV тома, въ которомъ сотни статей налагаютъ оковы на совѣсть; не можетъ онъ не вѣдать, что евангелическіе пасторы десятками предаются суду и ссылаются административнымъ порядкомъ за то, что внушаютъ своимъ прихожанамъ любовь къ родной церкви. Впрочемъ взгляды на свободу совѣсти различны; вотъ картина вѣротерпимости въ Россіи: Лютеранинъ женился на православной, или, какъ это въ остзейскомъ краѣ сплоть встрѣчается, на дѣвушкѣ *числящейся* таковою лишь потому, что записана въ православную метрическую книгу о рожденіи; если у нихъ религіозное чувство не заглухо, то естественно, что она пожелаетъ открыто быть тѣмъ, чѣмъ не переставала быть тайно — лютеранкою, или что оба пожелаютъ по крайней мѣрѣ воспитать дѣтей въ родной церкви. Какія отъ этого произойдутъ послѣдствія? Въ первомъ случаѣ: жена „отсылается къ духовному начальству (въ монастырь) для увѣщанія, вразумленія и поступленія по правиламъ церковнымъ“; на долго ли? — „До возвращенія въ православіе!“ (Ст. 188.) Лице, еѣ совратившее, „лишается всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ Сибирь или отдается въ исправительныя арестантскія отдѣленія по пятой степени“ (ст. 187). Мужъ, хотя и не совратившій жену, но „не принявшій мѣръ къ воспрепятствованію ея намѣренію, подвергается аресту до 3хъ мѣсяцевъ“ (ст. 192). Пасторъ, допустившій ее къ св. причастію „въ первый разъ удаляется отъ мѣста на время до 1 года, а во второй лишается духовнаго сана и отдается подъ надзоръ полиціи“ (ст. 193). Во второмъ случаѣ: „Родители заключаются въ тюрьму на время до 1 года и 4 мѣсяцевъ; дѣти ихъ отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или назначаемымъ правительствомъ опекунамъ“ (ст. 190). Пасторъ, допустившій ребенка къ крещенію, присуждается какъ за допущеніе къ св. причастію (ст. 193). „Пасторъ или всякое другое лицо, проповѣдью или сочиненіемъ совративши“ въ первомъ случаѣ жену, а во второмъ родителей, подвергается „въ первый разъ лишенію

нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьму на время до 1 года и 4 мѣсяцевъ, во второй заключенію въ крѣпость до 4 лѣтъ, а въ третій лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь“ (ст. 189). Изъ этого примѣра видно — и таковыхъ насчитывается тысячи — что для возвращенія въ Евангелическую церковь, какимъ бы кто способомъ въ православіе ни попалъ и какія бы убѣжденія и душевныя потребности ни имѣлъ, остается только одно — бѣжать изъ отечества, какъ бѣжали гугеноты изъ Франціи и гусситы изъ Богеміи нѣсколько столѣтій тому назадъ. Такая строгость законовъ становится, однакожъ, совершенно обратною, какъ только дѣло касается перехода изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій въ православіе; такому отступленію законъ не только не противится, но, напротивъ, покровительствуетъ, признавая всякое тому противодѣйствіе преступленіемъ, за которое виновный подвергается заключенію въ тюрьму до 4 мѣсяцевъ, а если употребилъ угрозы и притѣсненія, то до 2 лѣтъ (ст. 191). Такимъ образомъ одно и тоже дѣяніе, совершенное подданными того же монарха, живущими на одной мѣстности, составляетъ для православныхъ богоугодное дѣло, а для протестантовъ тяжкое преступленіе.

Такова вѣротерпимость, которую Г. Побѣдоносцевъ называетъ передъ лицомъ свѣта и именемъ своего Государя наиболѣе широкою въ Европѣ. Но чѣмъ же она отличается отъ вѣротерпимости инквизиціи? — только налагаемыми наказаніями: костры замѣнены лишеніемъ всѣхъ правъ челоѣка.

Въ своемъ отвѣтѣ предсѣдателю евангелическаго союза на поднесенный Государю адресъ, синодальный оберъ-прокуроръ объясняетъ, правда, причину, почему Европа словамъ его не вѣритъ: „единственно потому, что у Васъ эта свобода связана съ правомъ пропаганды; вотъ главная причина Вашихъ нападокъ на наши законы, запрещающіе совращеніе и отступленіе отъ православія; въ этихъ законахъ, имѣющихъ цѣлью охранить господствующую церковь, Европа видитъ ограниченіе свободы и преслѣдованіе.“ Но не можетъ же Г. Побѣдоносцевъ не понимать, что свобода вѣры именно и заключается въ правѣ исповѣданія той конфессіи, въ которой душа находитъ необходимую ей пищу; что насильственное удерживаніе въ какой либо церкви людей, имѣющихъ внутреннюю потребность изъ нея выйти, есть насиліе совѣсти; что охраненіе церкви возможно только духовными средствами, а не приѣмами инквизиціи. Далѣе онъ объясняетъ, что великая историческая миссія Россіи — служить оплотомъ противъ наплыва азіатскихъ варваровъ въ Европу, могла быть выполнена лишь при полномъ сліянніи вѣры съ національностью и что поэтому всякое покушеніе противъ православія есть посягательство на могущество Россіи. Такой взглядъ могъ бы еще имѣть смыслъ относительно государства мусульманскаго, но никакъ не христіанскаго; къ тому же, рассказывая о великихъ результатахъ этого сліяннія, авторъ столь удивительныхъ историческихъ изслѣдованій совершенно забылъ о періодѣ татарскаго ига. Но какъ бы то не было, означенная миссія окончена еще въ то время, когда Россія, кромѣ мусульманъ,

иноверныхъ подданныхъ не имѣла. Это однакожь синодальнаго оберъ-прокурора не затрудняетъ; онъ только переноситъ взоры съ востока на западъ и указываетъ евангелическому союзу на опасность со стороны католицизма и протестантизма. Католицизмъ, въ образѣ полонизма, дѣйствительно вступилъ въ борьбу съ православіемъ; но, какъ извѣстно, тѣсный союзъ полонизма съ іезуитизмомъ повелъ къ распаденію Польши, точно также какъ подобные союзы повели Испанію къ ничтожеству, Францію къ кровавой революціи, Италію къ изгнанію династій. Говорить же объ опасности, угрожаемой православію со стороны лютеранской пропаганды даже смѣшно, такъ какъ протестантизмъ, возвращаясь къ ученію Спасителя и апостоловъ и признавая въ дѣлахъ вѣры одинъ только авторитетъ Евангелія, возлагаетъ на человѣка обязанность самому искать истину и тѣмъ самымъ отрекается отъ вмѣшательства въ его совѣсть; это доказываетъ также исторія всѣхъ странъ, не исключая и Россіи, гдѣ не найдется ни одного православнаго, когда либо испытываемаго со стороны лютеранства, даже среди остзейскаго населенія, что либо похожи на прозелитизмъ. Нельзя же назвать лютеранскою пропагандою душевное стремленіе крестьянъ, обманомъ втянутыхъ въ православіе, возвратиться въ свою церковь. Тѣмъ не менѣе Г. Побѣдоносцевъ не стѣсняется рассказывать въ своихъ длинныхъ письмахъ на имя Шафгаузенскихъ пасторовъ разные ужасы объ этой пропагандѣ.¹⁾ „Московскія вѣдомости,“ съ своей стороны, объясняютъ русской публикѣ, что въ адрессѣ евангелическаго союза испрашивается разрѣшеніе совращать православныхъ къ другимъ конфессіямъ²⁾; „Петербургскія вѣдомости“ подтверждаютъ, что настоящая цѣль этого адреса — приобрести свободу протестантской пропаганды²⁾; „Новое время“ наконецъ приходитъ къ заключенію, что изъ всѣхъ христіанскихъ религій, лютеранская наименѣе вѣротерпимая и наиболѣе агрессивная.²⁾ Къ чему вся эта ложь, которой никто не вѣритъ, не исключая, конечно, и ея распространителей? вѣроятно къ тому, чтобы уклониться отъ прямого и простого отвѣта на примую и простую просьбу повергнутую къ стопамъ русскаго монарха: даровать его подданнымъ высшее благодѣяніе для вѣрующихъ — возможность поклониться Богу по внушенію совѣсти.

Впрочемъ вся эта ложь, какъ и клевета распространяемая синодальнымъ оберъ-прокуроромъ на подданныхъ своего же государя, „бароновъ и пасторовъ“, могла еще имѣть другую цѣль подготовить и мотивировать новыя и столь тяжкія для остзейцевъ мѣропріятія, послѣдовавшія въ послѣднее время. Съ возобновленіемъ пропаганды сороковыхъ годовъ, постановлено устранить все, что въ состояніи затруднить совращеніе крестьянъ въ православіе, а такъ какъ вышеуказанные законы о вѣроисповѣданіяхъ показались для этого недостаточными, то они дополнены нынѣ слѣдующими распоряженіями: Высочайшее повелѣніе 1865 г., освобождающее остзейское населеніе, при смѣшанныхъ бракахъ, отъ письменныхъ обязательствъ (реверсовъ)

¹⁾ Два письма 1887 года.

²⁾ Февраль 1889 г.

крестить и воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ, отмѣнено. Прокуратура возбуждаетъ сотни дѣлъ по поводу браковъ, крещеній и причащенія св. Тайнъ, совершенныхъ даже и до означенной отмѣны. Половина, если не болѣе, всѣхъ пасторовъ, обязанныхъ по долгу и совѣти укрѣпить ввѣренныя имъ паствы въ своей вѣрѣ, преслѣдуется за это обвинительною властью; но такъ какъ большинство ихъ судами оправдывается, то министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право смѣщать и ссылатъ ихъ административныхъ порядкомъ, по донесеніямъ губернаторовъ и жандармовъ. Параграфъ 560 статута, дающій право на орденъ св. Анны 3^й ст. за привлеченіе въ православіе не менѣе 100 язычниковъ или опасныхъ сектантовъ, примѣняется къ лютеранамъ. Въ краѣ протестантскомъ запрещено сооруженіе евангелическихъ церквей иначе какъ съ разрѣшенія Рижскаго архіерея. Отступившіе отъ лютеранства крестьяне освобождены, какъ бы въ видѣ преміи, отъ пасторатскихъ повинностей, лежащихъ вовсе не на нихъ лично, а на арендованныхъ ими земляхъ. Наконецъ Евангелической церкви запрещено принимать участіе и производить сборы въ пользу протестантской миссіи среди язычниковъ и евреевъ.

Таковы дѣйствія правительства въ протестантскихъ провинціяхъ, которымъ неприкосновенность вѣры торжественно гарантирована.

Реформація проникла въ Балтійское побережье очень рано; уже въ 1523 г. получено въ Ригѣ, по просьбѣ гермейстера Плеттенберга и магистрата, пастырское посланіе Лютера, поучающее новыхъ протестантовъ въ основныхъ правилахъ вѣры въ Спасителя и любви къ ближнему. Десять лѣтъ спустя Аугсбургское исповѣданіе окончательно водворилось и пустило столь глубокіе корни, что когда, во время польскаго владычества, іезуитамъ удалось подкопаться подъ его права, гарантированныя извѣстнымъ *Privilegium Sigismundi Augusti*, то это повело только къ ускоренію завоеванія Лифляндіи Швеціею, владѣвшею уже тогда Эстляндіею. Вскорѣ затѣмъ всѣ книги священнаго писанія появились на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ. Сѣверная война перерѣшила судьбу обѣихъ провинцій, присоединенныхъ въ 1721 г. Россіи; при этомъ 10^ю ст. Ништадскаго договора постановлено: не подвергать уступленныя провинціи какому либо насилію въ дѣлахъ совѣсти, а напротивъ сохранить въ нихъ на всѣ времена Евангелическое исповѣданіе, равно церковное устройство и управленіе школъ неприкосновенными, но съ предоставленіемъ и православной церкви свободнаго и безпрепятственнаго богослуженія. Требованіе таковой равноправности со стороны Петра Великаго вполне понятно, да и не могло казаться опаснымъ для населенія, признававшего господство какой либо церкви не совмѣстнымъ съ ученіемъ Евангелія. Въ 1795 г. герцогство Курляндское, сохранившее до того тѣнь независимости, также покорилось Россіи, причѣмъ Екатерина II., манифестомъ отъ 15 Апрѣля, объявила своимъ новымъ подданнымъ полную гарантію въ свободномъ отправленіи унаслѣдованной отъ отцевъ религіи.

Быть можетъ скажутъ, что никакія обязательства не могутъ имѣть вѣчной силы; совершенно вѣрно, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда

онѣ не соотвѣтствуютъ болѣе требованіямъ времени; здѣсь же видимъ противное: свобода совѣсти, признанная великими монархами Россіи святымъ правомъ человѣка въ такое время, когда далеко еще не вся Европа была проникнута этою истиною, нарушается нынѣ, когда она нашла себѣ дорогу даже въ міръ мусульманъ и язычниковъ!

Нарушеніе обязательствъ по праву сильнаго не только неблаго-видно, но и опасно, такъ какъ оно расшатываетъ понятія о правѣ и законности и поэтому подрываетъ основы существующаго государственнаго порядка. Какая же причина могла побудить правительство не признавать болѣе правъ, неприкосновенность которыхъ удосто-вѣрена подписью всѣхъ монарховъ со временъ Петра I и Екатерины II?

Что русскому человѣку нетерпимость чужда, извѣстно каждому инновѣрцу въ Россіи. Но и православная церковь такъ проникнута духомъ Евангелія, что всякое насиліе ей противно; какъ мало она одобряетъ средства употребляемыя нынѣ для распространенія православія, видно изъ указа св. синода отъ 11 Декабря 1818 г., въ которомъ сказано, что принимать въ греко-россійскую церковь такихъ протестантовъ, которые желаютъ перейти не по истинному и внутреннему убѣжденію, а по другихъ причинамъ, противорѣчитъ ученію Спасителя. А потому темная пропаганда православія, распространившаяся въ сороковыхъ годахъ въ Лифляндіи, не нашла сочувствія у высшихъ духовныхъ лицъ и не посмѣла проникнуть въ Эстляндію только потому что митрополитъ С. Петербургскій и Новгородскій, въ Епархію котораго входила эта губернія, не допускалъ обманныхъ средствъ къ обращенію. Да и въ недавнее время архіерей Казанскій, на представленіе о законномъ преслѣдованіи безчисленныхъ, когда то крещеныхъ татаръ, возвратившихся и возвращающихся въ мусульманство, получилъ приказаніе ограничиться увѣщаніями и поученіями, согласно указа 16 Декабря 1869 г. о раскольникахъ.

Признается ли ученіе Лютера опаснѣе корана? — Любопытно взглянуть на нѣкоторыя извлеченія изъ послѣдняго въ магометанскихъ учебникахъ, напечатанныхъ недавно съ дозволенія цензуры. Книжечка „Тибіанъ-уль-металибъ“ поучаетъ, что изученіе и распространеніе корана поведетъ за собою уничтоженіе всѣхъ враговъ ислама и торжество „нашего падишаха“. Брошюрка „Ажиди мензуме“ объясняетъ, что коранъ повелѣваетъ воевать противъ 1) невѣрныхъ, 2) плоти и 3) діавола; этой священной войнѣ, называемой „Джихадъ“, посвящается также особая статья въ наиболѣе распространенной книгѣ „царскій даръ“, въ которой говорится объ обязанности каждаго совершеннолѣтняго мусульманина въ ней участвовать и истреблять невѣрныхъ если они не примутъ вѣру Магомета и т. д. Все это, конечно, опасности для государства не представляетъ; но что же угрожаетъ ему со стороны лютеранства? Въ „Аугсбургскомъ исповѣданіи“ имѣется только одна, но весьма важная статья, артикулъ XVI, заключающая въ себѣ сущность всѣхъ обязанностей христіанина противъ свѣтской власти. Въ этой статьѣ сказано, что всякая власть на землѣ, а равно законы и порядки исходятъ отъ Бога и имъ установлены и что христіанинъ обязанъ относительно царской, правитель-

ственной и судебной власти вести себя безгрѣшно, т. е. исполнять свой долгъ свято, не передъ людьми только, но и передъ Богомъ, проникающимъ сокровеннѣйшія чувства души. Казалось бы, что трудно дать этому вопросу болѣе правильное и возвышенное опредѣленіе. Но не въ артикулѣ суть, а въ его исполненіи.

Болѣе 150 лѣтъ со времени присоединенія края, преданность престолу остзейцевъ и безукоризненное служеніе ихъ государству составляли общепризнанный фактъ, засвидѣтельствованный монархами, военнначальниками, представителями администраціи, всѣмъ русскимъ народомъ. Патріотизмъ ихъ никогда не былъ заподозрѣнъ и, конечно, вспоминая о тяжкихъ испытаніяхъ отечества въ критическихъ моментахъ его жизни, ни одному русскому не приходило въ голову, что Барклай и Тотлебенъ уступаютъ въ этомъ отношеніи Кутузовымъ и Скобелевымъ лишь потому, что они ливляндцы и лютеране. Только въ недавнее время это измѣнилось; и странно, переворотъ совпадаетъ какъ разъ съ проявленіемъ въ Россіи открытаго нигилизма. Правда и прежде возвышались голоса противъ обособленія края, старинности его учреждений, господства нѣмецкаго языка, исключительнаго положенія дворянства; но лучшіе русскіе патріоты сознавали, что это обособленіе естественно истекаетъ изъ историческаго развитія страны и этнографическихъ особенностей ея населенія; что въ учрежденіяхъ, хотя и устарѣлыхъ, господствуетъ правда и законъ; что нѣмецкій языкъ не можетъ не преобладать тамъ, гдѣ культура исходитъ отъ дворянства, духовенства и ученыхъ нѣмецкаго происхожденія; что рядомъ съ исключительными правами, которыми оно пользуется, дворянство налагаетъ на себя исключительныя обязательства, исполняя не только безвозмездно, но и добросовѣстно мѣстныя полицейскія и судебныя обязанности; сознавали также, что не смотря на нѣкоторыя аномаліи, край преуспѣваетъ и что при всей скудности почвы и отсутствіи постороннихъ заработковъ государственныя повинности вносятся безъ недоимковъ и крестьянская собственность возрастаетъ безъ пособія отъ казны; что подъ руководствомъ дворянъ внутренняя организація доведена до цвѣтущаго состоянія, а обманъ и взяточничество его не коснулись; сознавали, наконецъ, что сближеніе и сліяніе съ Имперією необходимо и для обѣихъ сторонъ выгодно, но съ сохраненіемъ существующихъ культурныхъ элементовъ. Религія и школа тогда еще не затрогивались; онѣ нашли себѣ даже защитниковъ въ наиболѣе авторитетныхъ національных писателяхъ, Аксаковъ и Катковъ. Первый не однократно протестовалъ противъ законодательныхъ, полицейскихъ и жандармскихъ мѣръ унижающихъ и компрометирующихъ православіе; послѣдній доказывалъ, что Россія должна поддерживать въ остзейскомъ краѣ педагогическую систему, имѣющую общую всѣмъ цивилизованнымъ народамъ основу; сохрани насъ Богъ, писалъ онъ, низвести тамошнія гимназіи до жалкаго уровня нашихъ учебныхъ заведеній; пусть будетъ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ — этому противиться могла бы только фальшивая національная гордость, отъ которой мы свободны. И дѣйствительно, эта именно „педагогическая система“ принесла обильные плоды на поприщѣ

народнаго образованія. Въ остзейскомъ краѣ, можно сказать, безграмотныхъ нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не было до послѣдняго времени усиленной руссификаціи; изъ общаго числа дѣтей соотвѣтствующаго возраста въ школахъ обучалось: въ Эстляндіи 82, въ Лифляндіи 90, а мѣстами 100 процентовъ; остальные получали необходимую для конфирмаціи подготовку у родителей. Съ 1861 по 1880 г. въ одной Лифляндіи вновь выстроено 43 парохіальныхъ и 651 приходскихъ школъ, на сумму 1,600,000 р.; годовой расходъ на содержаніе школъ возросъ въ названной губерніи въ 1864 г. до 409,000 р.; и кромѣ этихъ расходовъ, падающихъ на поземельную собственность, дворянство содержало еще нѣкоторыя отличныя среднія учебныя заведенія, нынѣ закрываемыя. Столь успѣшныя результаты достигнуты „баронами и пасторами“, проникнутыми духомъ лютеранской церкви, которая, со времени реформации, заботится о школахъ какъ старшая сестра о младшей. Эта церковь и эта школа охранили балтійское юношество отъ всерастлѣвающаго нигилизма; Дерптскій университетъ, одинъ въ Россіи, не подавалъ повода къ мѣропріятіямъ, къ которымъ такъ часто правительство прибѣгаетъ. Эта же церковь и школа утвердили въ остзейцахъ тѣ нравственныя правила и научныя познанія, которыя доставили имъ почетное мѣсто на государственной службѣ и въ сферѣ наукъ и художествъ; ни въ одномъ изъ политическихъ процессовъ, которыми послѣднія дѣсятилѣтія столь богаты, ни одинъ изъ нихъ не замѣчанъ, а какая доля изъ числа прославившихъ отечество мужей приходится на нихъ, удостовѣряется LXII и LXIV т. сборника русскаго историческаго общества, заключающими въ себѣ имена всѣхъ истинныхъ патріотовъ возвеличившихъ Россію. Наложить руку на эту церковь и школу казалось бы немислимымъ; между тѣмъ это случилось.

Іюльская революція и польскій мятежъ побудили императора Николая изыскать особенныя средства къ большому сплоченію различныхъ народностей имперіи и изолированію ихъ отъ вліянія запада. Церковное объединеніе казалось мѣрою, обѣщающею успѣхъ; и вотъ, одновременно съ воссоединеніемъ уни въ Литвѣ, постановлено сдѣлать попытку къ обращенію въ православіе остзейскихъ крестьянъ. До того времени между конфессіями балтійскаго края былъ полный миръ. Первое нарушеніе его послѣдовало въ 1832 г., когда, безъ всякаго повода, церковное устройство провинцій передано въ вѣденіе Евангелической генеральной консисторіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ распространеніемъ на нихъ общихъ законовъ для иновѣрцевъ въ Россіи; законы же эти, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ два принципа: 1) дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ обязательно православныя и 2) выходъ изъ православія, на вѣки закрытъ. Такимъ образомъ протестантская церковь въ протестантскомъ краѣ низведена на степень терпимой конфессіи и поселеніе ея, во всѣхъ случаяхъ брачныхъ союзовъ съ православными, лишено конфессіональной свободы. На первыхъ порахъ это насиліе не оказалось особенно ощутительнымъ, такъ какъ смѣшанныхъ браковъ стали остерегаться; но вскорѣ истинныя намѣренія правительства обнаружались въ другомъ видѣ:

въ 1838 г., къ общему удивленію, поселился въ Ригѣ православный епископъ! Какую цѣль могло имѣть назначеніе епископа въ провинцію съ совершенно ничтожнымъ православнымъ населеніемъ? „Въ вашей церкви слишкомъ много проповѣдуютъ“, сказалъ немного позже Николай Павловичъ ревельскимъ пасторамъ, „для массъ православная вѣра лучше“; и эти слова сдѣлались новою правительственною программою.

Въ 1841 г., послѣ ряда неурожаевъ, приведшихъ крестьянъ въ уныніе, незамѣтно появились среди ихъ неизвѣстныя личности, волновавшія народъ разсказами о благополучіи православныхъ и распускавшія слухъ, будто для всѣхъ принимающихъ „вѣру Царя“ имѣются другія „теплыя земли“. Желających промѣнить на эти земли свою вѣру сказалось не много, но волненія приняли такой оборотъ, что для водворенія порядка понадобились войска. Послѣ этой не совсѣмъ удачной попытки рижскій архіерей Ппрнархъ уступилъ свое мѣсто преосвященному Филарету. Но спокойствіе продолжалось не долго. Не успѣли еще крестьяне оправиться отъ послѣднихъ невзгодъ, какъ наступилъ столь тяжкій для нихъ 1844 годъ. Помнѣмый голодъ приводилъ ихъ въ отчаяніе и подготовилъ почву для возобновленія пропаганды съ большою надеждою на успѣхъ. Здѣсь слѣдуетъ однако замѣтить, что кромѣ экономическаго кризиса также и социальное положеніе Лифляндіи могло ей способствовать. Крѣпостное право было упразднено еще въ 1816 и 1818 годахъ и аграрный вопросъ, разрѣшенный тогда по обще-европейскому образцу, развивался хотя медленно, но вообще удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе, надлежащей связи между сельскимъ населеніемъ и высшими классами не было достигнуто; дворяне и даже пасторы, озабоченные главнымъ образомъ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и соблюденіемъ закона, не сумѣли внушить народу достаточно довѣрія и расположенія. Старинная вражда сельского сословія къ помѣщику не исчезла и этимъ объясняется, что огромное число крестьянъ, не желавшее искать опоры у дворянства и духовенства, попало въ разставленные ему въ 1845 году сѣти. На этотъ разъ пропаганда дѣйствовала смѣлѣе. Вслѣдъ за эmissарями, распространявшими всякіе соблазнительные слухи, являлись священники, всегда готовые совершать обрядъ муропомазанія; первые разсказывали, что принимающіе вѣру царя освобождаются отъ подушной подати, снабжаются зерномъ и надѣляются даровою землею; а послѣдніе объясняли, что греко-россійская церковь мало отличается отъ лютеранства и что новообращенные, пріобрѣтая всѣ преимущества православія, сохраняютъ молитвенники, церковное пѣніе и проповѣдь своей церкви. Мѣстами сборищъ служили обыкновенно постоялыя дворы; сюда пріѣзжали съ своими „легучими церквями“ попы, устанавливали переносный иконостасъ и престолъ и раскладывали книгу для записыванія желающихъ. Изобрѣтательность, съ которою новые миссіонеры привлекали таковыхъ, по истинѣ изумительна: женамъ, отказывавшимся слѣдовать примѣру мужей, говорили, что ихъ браки будутъ считаться расторгнутыми и мужьямъ предоставлено право снова жениться; дѣвушекъ увѣряли что онѣ останутся безъ

жениховъ; гдѣ замѣчали колебаніе восклицали „торопитесь, въ книгѣ скоро не станетъ мѣста и тогда будетъ поздно“ или „спѣшите, а то запасъ масла истощится и нечѣмъ будетъ помазать“; не гнушались соблазнять даже дѣтей, для которыхъ обращеніе представлялось освобожденіемъ отъ школы. Самый обрядъ совершался обыкновенно слѣдующимъ образомъ: изъявившихъ готовность принять православіе записывали, затѣмъ ставили спиною къ престолу и заставляли повторять со словъ священника „отрекаюсь отъ нечистой лютеранской церкви“, послѣ чего послѣдній произносилъ „то обратитесь къ солнцу“ и приступалъ къ помазанію лба и груди. На жалобы пасторовъ, что обращеніе производится безъ всякаго предварительнаго поученія и безъ соблюденія установленнаго закономъ срока, преосвѣщенный Филаретъ отвѣчалъ, что святыя обряды, которыми церковь столь богата, служатъ вмѣсто обученія и исполнѣ его замѣняютъ; всякая же попытка пасторовъ къ увѣщеванію своихъ прихожанъ, подводилась подъ 187 и 189 статьи, на основаніи которыхъ виновные въ совращеніи отъ православія присуждаются къ лишенію правъ состоянія, ссылкѣ, отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія или заключенію въ тюрьму; для упрощенія же дѣла ихъ иногда просто смѣщали и удаляли административнымъ порядкомъ. Общанныхъ выгодъ новообращенные конечно не получили, да и не на кого было сослаться; многіе священники, изъ предосторожности, требовали даже, какъ бы для исполненія формальности, чтобы отступники, отрекаясь отъ своей церкви, прибавляли что переходятъ по убѣжденію; это давало возможность ихъ и начальству отрицать обще-извѣстные факты и доносить о *душевномъ стремленіи* населенія, къ православію. Впрочемъ не всѣ обѣщанія оказались обманными; зерно на хлѣбъ и постѣвъ было дѣйствительно отпущено, но только, какъ обнаружилось впоследствии, взаимнообразно!

Таковы были приемы, которыми около 60,000 латышей и эстовъ Лифляндіи вовлечены въ православіе. Сосѣдней Эстляндіи, населенной тѣмъ же эстами, пропаганда не коснулась единственно потому, что митрополитъ С.-Петербургскій епископъ Эстляндскій держалъ знамя своей церкви слишкомъ высоко, чтобы допустить обращеніе столь гнусными средствами. Въ началѣ 1846 года послѣдовало наконецъ повелѣніе соблюденія срока, ранѣе котораго, по закону, изъявившіе желаніе перейти въ православіе не могутъ быть приняты; этимъ всему дѣлу положенъ конецъ, такъ какъ отрезвленіе явилось гораздо ранѣе срока. Но что стало съ несчастными, у которыхъ отрезвленіе явилось когда оковы уже были наложены? Для нихъ наступилъ темный 20 лѣтній періодъ, въ которомъ они жили безъ церкви, безъ таинствъ, безъ общенія съ остальнымъ населеніемъ. Имъ, какъ православнымъ, пасторы должны были отказывать въ духовныхъ требахъ; съ другой стороны священники обращались къ полиціи для понужденія ихъ къ исполненію христіанскихъ обязанностей; возникла глухая борьба, во время которой конкубинатъ развился въ огромныхъ размѣрахъ и безчисленныя дѣти оставались некрещеными. Наконецъ, не взирая на officialные отчеты и донесенія, это ужасное положеніе

дошло до свѣдѣнія императора Александра II, который, пожелавъ узнать истину, поручилъ изслѣдованіе религіознаго вопроса въ Лифляндіи довѣренному лицу — генералу графу Бобринскому. Истинный патріотъ и вѣрой сынъ своей церкви, аристократъ въ лучшемъ значеніи слова, образованный и вполне независимый, гр. Бобринскій какъ нельзя лучше соотвѣтствовалъ трудной задачѣ на него возложенной. Г. Побѣдоносцевъ старается правда въ своемъ письмѣ¹⁾ Шафгаузенскимъ пасторамъ поколебать авторитетъ повѣреннаго своего государя, выставляя его молодымъ и неопытнымъ человѣкомъ, не знакомымъ съ краемъ, видѣвшимъ и слышавшемъ лишь то что ему показывали и говорили дворяне и пасторы. Въ Шафгаузенѣ конечно трудно провѣрить истину, но не въ Россіи, гдѣ всякому извѣстно, что этотъ молодой и неопытный человѣкъ былъ передъ тѣмъ губернаторомъ, а 2 года спустя министромъ, и гдѣ всякій можетъ удостовѣриться изъ подлиннаго отчета, какъ основательно и подробно онъ изслѣдовалъ важнѣйшіе по конверсіи уѣзды — Феллинскій и Пернавскій, какъ онъ опрашивалъ во всѣхъ православныхъ приходахъ обращенныхъ изъ лютеранства, не публично и гуртомъ, но у себя къ комнатѣ, по 6 ч. одновременно и не иначе какъ въ присутствіи православнаго священника. Число православныхъ, съ включеніемъ дѣтей вновь обращенныхъ и отъ смѣшанныхъ браковъ родившихся, за послѣдніе 20 лѣтъ, по счету епархіальнаго начальства болѣе чѣмъ удвоилось; но гр. Бобринскій ихъ нигдѣ найти не могъ: „да это все лютеране“, воскликнулъ онъ невольно, „на бумагѣ насчитывается правда 140,000 православныхъ, а въ дѣйствительности и 14 тысячъ не наберется“. Въмѣсто же „душевнаго стремленія“ онъ нашелъ другую картину, которую между прочемъ изобразилъ нижеслѣдующими словами своего всеподданнѣйшаго донесенія: „Ваше Величество, мнѣ какъ православному и русскому тяжело было видѣть до чего явное разоблаченіе этого officialнаго обмана унижаетъ русское православіе. Не простодушныя слова несчастныхъ семействъ, обращающихся къ Вашему Величеству съ смиренною, но горячею мольбою о дарованіи имъ права исповѣдывать вѣру по внушенію совѣсти, не чистосердечныя и трогательныя выраженія ихъ чувствъ произвели на меня столь тяжелое впечатлѣніе, а то именно, что это насилуваніе совѣсти, этотъ всемъ извѣстный officialный обманъ неразрывно связанъ съ понятіями о Россіи и православіи.“²⁾)

По полученіи этого донесенія, челолюбивый монархъ повелѣлъ прекратить преслѣдованія по дѣламъ вѣры и не возбуждать ихъ впредь, а затѣмъ, 19 марта 1865 г., послѣдовадо Высочайшее повелѣніе отмѣняющее въ остзейскомъ краѣ обязательство выдавать при смѣшанныхъ бракахъ реверсы. Эти мѣры, дававшія выходъ изъ настоящаго и обезпечивавшія будущее, оказались въ высшей степени благотѣльными: глубокія раны стали мало по малу заживать и душевное спокойствіе возвратилось; но къ несчастію онѣ не заключали въ себѣ совершенной отмѣны законовъ о религіи. Въ то время это обстоя-

¹⁾ Второе письмо.

²⁾ Переводъ съ перевода.

тельство мало тревожило; возможность, хотя и негласно, возвратиться въ свою церковь и крестить въ ней дѣтей вызвала такой восторгъ, а съ другой стороны довѣріе къ монарху было столь безгранично, что окончательная отмѣна законоположеній казалась одною формальностью; обращенные и ихъ дѣти, всего до 120,000 д.¹⁾, постепенно возвратились въ лютеранство и никому и въ мысль не приходило чтобы „всѣмъ извѣстный officialный обманъ“ могъ когда нибудь повториться. Между тѣмъ это случилось и совершается нынѣ если и не тѣмъ же способомъ какъ въ сороковыхъ годахъ, то средствами столь же недостойными и болѣе опасными.

Новѣйшая агитація проявилась сначала на свѣжей почвѣ, въ Эстляндіи. Возвратиться къ прежнимъ обѣщаніямъ даровыхъ земель и т. п. при современной гласности было неудобно; да никто бы имъ и не повѣрилъ. Къ тому же и цѣль стала другая. Православіе какъ религія потеряло то значеніе которое имѣло прежде; теперь оно главнымъ образомъ должно способствовать къ тому, чтобы вырвать низшіе классы изъ сферы вліянія „бароновъ и пасторовъ“, этихъ ненавистныхъ нигилизму представителей лютеранства, съ его твердою вѣрою и принципами законности и повиновенія власти. Возбуждать первыхъ противъ послѣднихъ — вотъ задача, которую поставила себѣ новая пропаганда, имѣющая такимъ образомъ социальнo-демократическій характеръ и пріобрѣтшая этимъ способомъ такой успѣхъ, что могла вскорѣ вторгнуться и въ Лифляндію, гдѣ возобновленіе старинныхъ преслѣдованій по дѣламъ вѣры доставила ей возможность направить свои усилія противъ главныхъ враговъ — пасторовъ. Помощью клеветы и подъ маскою патріотизма, нигилизмъ счумѣлъ на столько обмануть и увлечь общественное мнѣніе, что нападенія на остзейцевъ сдѣлались мало по малу національнымъ дѣломъ и превратились наконецъ въ какой то дикій спортъ, въ которомъ, какъ въ выгодномъ и модномъ предпріятіи, карриеристы и журналисты принимаютъ горячее участіе, а публика аплодируетъ. Но всего безотраднѣе то, что къ числу горячихъ участниковъ этого спорта принадлежатъ представители администраціи, центральной и мѣстной. Высшіе уже изчислены крайне недоброжелательныя мѣропріятія парализировавшія страну въ послѣднее время; всякія же непріязненныя распоряженія сверху примѣняются какъ извѣстно снизу, мѣстными органами, съ особеннымъ злораднымъ усердіемъ; въ какой мѣрѣ это проявилось и въ настоящемъ случаѣ, со стороны администраторовъ Эстляндіи и Лифляндіи, усматривается изъ словъ, которыми они сами высказали свои руководящія принципы: одинъ, по поводу выраженного опасенія получить въ числѣ новыхъ учителей нигилистовъ, удаленныхъ изъ русскихъ школъ, возразилъ „лучше нигилистовъ нежели нѣмцевъ“, а другой, при обсужденіи одного мѣстнаго вопроса, объявилъ „я ничего не вѣрю, ничего не люблю, ничего не боюсь“. Неудивительно что такіе администраторы видятъ лучшую систему управленія въ возбужденіи народа противъ своей религіи и противъ высшихъ сословій.

¹⁾ Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1887 г.

Въ церквахъ читають циркуляры о преимуществахъ православія и строгомъ наказаніи невѣрныхъ сыновъ его; на церковныя и благотворительныя суммы лютеранъ налагають руку; въ столкновеніяхъ высшихъ классовъ или лютеранъ съ нисшими или православными, первымъ отказываютъ въ законномъ содѣйствіи; между крестьянами официально распространяють летучіе листки, книжечки и газетныя статьи самаго возбуждающаго содержанія, какъ видно изъ слѣдующихъ образчиковъ: „Да будетъ проклятъ кто не приметъ православія“¹⁾.... „Лютеръ поясняетъ слово божье не вѣрно и произвольно, онъ нѣмецъ“²⁾..... „Чтобы германскіе *высокородные* дворяне да стали жертвовать своими интересами въ пользу *презрѣнныхъ* эстовъ и латышей! — такъ прочитай хронику тѣлесныхъ наказаній“³⁾ „Мы не знаемъ примѣра чтобы въ здѣшнихъ *неподкупныхъ* судахъ крестьянинъ выигралъ процессъ противъ помѣщика“⁴⁾.... „Не въ силахъ крестьянинъ-арендаторъ уплатить повинностей пастору, тотчасъ помѣщикъ прогоняетъ съ участка... и аренда взыскивается съ не исправнаго путемъ суда и экзекуцій, безъ разсужденія о томъ, *исполняетъ ли пасторъ свои обязанности* или нѣтъ“⁵⁾.... „*Чисть* денегъ пасторы конечно высылали въ Германію и на эти деньги снаряжались молодые миссіонеры устраивать нѣмецкія поселенія и обрабатывать бѣдныхъ язычниковъ въ рабовъ!“⁶⁾

Всматриваясь во все что дѣлается въ балтійскихъ провинціяхъ, невольно себя спрашиваешь: неужели правительство не признаетъ такіа дѣйствія оружіемъ обоюдоострымъ? Неужели оно не видитъ что принципиальнымъ преслѣдованіемъ евангелической церкви оно подрываетъ всѣ вообще религіозныя чувства народа; что вытѣсненіемъ изъ народной школы вліянія пасторовъ и дворянъ оно передаетъ эту школу въ руки нигилизма; что допуская произволъ и насилие въ одной части государства, оно разнуздываетъ страсти и инстинкты повсюду — сегодня остзейцы, завтра колонисты, послѣзавтра финляндцы, а потомъ?

Но и другой еще рождается вопросъ: къ чему все это, чего хотять достигнуть?

Единства вѣры? Но это невозможно и ненужно. Невозможно, потому что вѣра не внѣшняя форма, а дѣло совѣсти и убѣжденія; ненужно, потому что различіе вѣроисповѣданій нисколько не препятствуетъ сплоченію государства. Эти истины подтверждаются исторіею всѣхъ народовъ; мало того, исторія поучаетъ, что такое сплоченіе достигнуто только при свободѣ вѣроисповѣданій.

Единства языка? Но это требуетъ времени, продолжительность котораго зависитъ отъ большей или меньшей безпрепятственности его распространенія; очевидно что тождество русскаго языка съ православіемъ составляетъ огромную тому преграду и что съ того дня, когда протестантъ будетъ признанъ русскимъ или на оборотъ, то языкъ проникнетъ всюду и безъ насильственныхъ мѣръ.

¹⁾ Епископское посланіе. ²⁾ Священника Поспѣлова. ³⁾ Эстляндскія губернскія вѣдомости 1889 г. No. 27. ⁴⁾ Тоже No. 31. ⁵⁾ Тоже. ⁶⁾ Статья по поводу запрещенія миссіонер. дѣятельности; тамъ же.

Единства государства? Но настоящею системою можетъ быть достигнуто одно только разъединеніе. Смѣшанные браки напимѣрь много способствуютъ къ объединенію народностей, между тѣмъ имъ противоставляютъ искусственное препятствіе — реверсы; государственная служба соединяетъ людей общностью интересовъ и стремленій, вмѣсто того устанавливають нормы, ограничивающія приемъ инновѣрцевъ; да и самое ограниченіе правъ однихъ подданныхъ въ сравненіе съ другими, развѣ оно не должно произвести разъединенія?

Что касается собственно остзейскаго вопроса, то многіе и наиболѣе доброжелательные люди выражаютъ мнѣніе, что частными интересами необходимо жертвовать когда общая польза того требуетъ и что привлеченіе кореннаго мѣстнаго населенія, съ цѣлью его руссификаціи, должно быть достигнуто какою бы то небыло цѣною. Но они глубоко заблуждаются. Когда частные интересы совпадаютъ съ требованіями нравственности и цивилизаціи, то разрушеніе ихъ и всему государству ничего не можетъ принести кромѣ вреда. Ожидаемое же сліяніе эстовъ и латышей съ русскими, избраннымъ путемъ никогда не совершится; напротивъ, какъ только настоящее броженіе минуетъ и наступитъ время отрезвленія, то глубокая враждебность увлеченнаго и разочарованнаго народа, уже начинающая проявляться, обнаружится всецѣло и въ особенности со стороны обращенныхъ въ православіе, которому они, какъ и казанскіе татары, черезъ столѣтія еще останутся чужды. Великій officialный обманъ обнаружится тогда снова, но при гораздо худшихъ условіяхъ, потому что не будетъ болѣе тѣхъ нравственныхъ и культурныхъ элементовъ, которыми обуздываются страсти.

Объединеніе христіанскихъ народностей никогда и нигдѣ не было и не будетъ достигнуто безъ свободы совѣсти; и не только это объединеніе, но и единство вѣры, не въ смыслѣ конечно наружнаго поклоненія, а поклоненія въ духъ и истинѣ.

Разсказываютъ будто на просьбу одной русской дамы, принявшей католичество, о безнаказанномъ возвращеніи въ отечество, и на заявленіе другой русской дамы, получившей придворное назначеніе, что она болѣе не православная — Государь отвѣтилъ, что въ Россіи полная свобода вѣры. Правда ли это или нѣтъ, но разсказу вѣрятъ всѣ остзейцы и многіе русскіе, убѣжденные что честнаго монарха преступно обманываютъ.